

ИЗиСП

2024 | №7

БЮЛЛЕТЕНЬ

С Р А В Н И Т Е Л Ь Н О Е
П Р А В О В Е Д Е Н И Е

Подготовлен:

Центром международного права и
сравнительно-правовых исследований

Выпуск № 7

Сентябрь, 2024 г.

Институт законодательства и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации

Бюллетень «Сравнительное правоведение» | 2024, № 7.

Бюллетень подготовлен сотрудниками центра международного права и сравнительно-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: заведующим центром международного права и сравнительно-правовых исследований, доктором юридических наук, профессором, заслуженным юристом Российской Федерации Ковлером А.И.; ведущим научным сотрудником, кандидатом юридических наук Беяловой А.М.; ведущим научным сотрудником, кандидатом юридических наук Каширкиной А.А.; и.о. заведующего лабораторией, ведущим научным сотрудником, кандидатом юридических наук Мехтиевым М.Г.; ведущим научным сотрудником, кандидатом юридических наук Морозовым А.Н.; ведущим научным сотрудником, кандидатом юридических наук Налетовым К.И.; ведущим научным сотрудником, кандидатом юридических наук Фокиным Е.А.; научным сотрудником Берг Л.А., старшим специалистом Абакумовым М.А.

Ответственный редактор: Ковлер А.И.

Технические редакторы: Абакумов М.А., Беялова А.М.

Содержание

Введение.....	3
Конституционный моделинг государств БРИКС: место международного права и интеграционных объединений в национальных правовых системах	5
БРИКС в координатах международного экономического права	32
Международное культурное и гуманитарное сотрудничество в рамках БРИКС	43

Введение

Коллектив центра международного права и сравнительно-правовых исследований продолжает публикацию бюллетеней. Нынешний номер посвящен XVI Саммиту БРИКС. Его главное мероприятие — встреча глав государств БРИКС — пройдет 22–24 октября 2024 года в Казани.

Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ был издан ряд научных работ и проведены конференции на тему правовых проблем сотрудничества России со странами БРИКС. В 2026 году ожидается публикация очередной монографии на эту тему. Также летом нынешнего года была создана лаборатория правовых исследований новых форм межгосударственного сотрудничества и интеграции, в число задач которой входит исследование таких форумов, как БРИКС в контексте его влияние на международное право и правовые системы государств.

Сам форум БРИКС как постоянная площадка появилась в 2009 году. Первая встреча прошла в Екатеринбурге. При этом многие приписывают авторство этой аббревиатуры (БРИК) американскому финансисту Джиму О'Нейлу (2001 г.)¹. Заметим, что в России еще в конце 90-х годов существовал формат треугольника Россия-Индия-Китай, который сокращенно назывался РИК. Встречи глав трех государств проходили на полях «Группы Двадцати». Вероятно, намерение Бразилии присоединиться к РИК и стало причиной появления БРИК, а с 2011 года, после присоединения ЮАР, — нынешнее название БРИКС.

Однако в мире существует немало подобного рода форумов, и создавались они для решения разных проблем в разные эпохи, а потому охватить их все не представляется возможным. Отметим только ряд из них, которые, на наш взгляд, весьма значимы.

Как известно, еще в конце 1960-х годов рыночная экономическая система оказалась в кризисной ситуации, которая привела к реформе Международного валютного фонда (далее — МВФ) в 1971 года (отмена золотого паритета). В этом центральную роль сыграла площадка, состоящая из представителей пяти наиболее развитых капиталистических государств. Так появился формат по координации внешней экономической политики, который перерос в постоянный и получил название «Группа Пяти», а после распада социалистического лагеря трансформировался в

¹ O'Neill J. Building Better Global Economic BRICS / 2001, Goldman Sachs Global Economic Paper No. 66. URL: <https://www.scirp.org/reference/referencespapers?referenceid=1214202>.

«Группу Семи» (в 1997–2014 годах с участием России — «Группа Восьми»).

Другой формат подобного рода — «Группа Двадцати». Он появился в 1999 году — спустя год после начала Восточно-азиатского кризиса, а в 2009 году вышел на передний план ввиду того, что для преодоления Мирового экономического кризиса 2007–2009 годов координация усилий и ресурсов странами одной только «Группы Восьми» была недостаточной. В том же 2009 году наметился раскол между «Группой Восьми» и БРИКС по ряду вопросов, связанных с регулированием мировой экономики, а «Группа Двадцати» вплоть до сегодняшнего дня является площадкой, где два антагонистических по ряду вопросов форума могут собраться вместе. Эта же «Группа Двадцати» долгое время оставалась площадкой, где вырабатывались принципы глобализации, что было унаследовано от «Группы Семи», но с учетом реформирования международных экономических организаций.

БРИКС, в свою очередь, изначально планировался как неформальный союз для построения новой модели мировой экономики, основанной на универсальных торговых и валютно-финансовых соглашениях. Таким образом, подобные форумы только на первом этапе создавались для преодоления последствий экономических кризисов или противостояния внешним шокам, а впоследствии становились двигателями реформ. Они не столько нацелены на замещение собою действующего международного права, сколько на согласование позиций в рамках действующего форума.

Антагонизм «Группы Семи» и мирового большинства, представленного БРИКС, заключается и в отношении этих стран к правовым ценностям. Международное право, основанное «на правилах» в доктринах государств «Группы Семи» поставил под угрозу не только само существование международного права, основанного на Уставе ООН, но и самостоятельное развитие правовых систем многих государств. В БРИКС нынче входят практически все древнейшие цивилизации, а декларирование России как самостоятельного и самодостаточного государства-цивилизации требует иного подхода. Для исследования этих проблем требуются не только научно-практические, но и теоретико-философские исследования. Коллектив центра международного права и сравнительно-правовых исследований предпринял попытку продемонстрировать в данном бюллетене некоторые из этих аспектов.

Конституционный моделинг государств БРИКС: место международного права и интеграционных объединений в национальных правовых системах *

В современной международной системе функционирует множество международных акторов, имеющих как статус международных организаций, межгосударственных интеграционных объединений, так и формально не объективированных с международно-правовой точки зрения объединений, т.е. таких международных структур, которые хотя и не имеют в своей основе учредительного международного акта, институциональной системы и международно-правовой базы, но активно участвуют в решении важнейших проблем глобального или регионального характера. Одним из таких акторов, занимающим основополагающее место на международной арене, является БРИКС.

Государства создают международные структуры, наделяя их различной компетенцией, передавая тот или иной объем полномочий, определяя характер принимаемых решений исходя из тех целей и задач, которые ставят перед собой и создаваемой структурой соответственно. Причем, как показывает практика, эффективными могут быть и формально не оформленные с международно-правовой точки зрения объединения. БРИКС является в данном случае очень хорошим примером того, как международная структура, не имеющая в своей основе международного учредительного акта и созданной на его основе институциональной системы, может достаточно эффективно выстраивать международное сотрудничество, не являясь межгосударственным интеграционным объединением с точки зрения международного и интеграционного права.

Вместе с тем это не означает, что одним из направлений эволюционирования БРИКС может быть ее переход и в формат международной организации или объединения, что является одним из прогнозных вариантов развития БРИКС, о чем будет сказано ниже.

Анализ функционирования БРИКС и потенциала этого объединения показывает, что оно может быть важным фактором обеспечения международного правопорядка на основе общепризнанных принципов и норм международного права, закрепленных в Уставе ООН, а также на основе иных универсальных международных договорах.

Как отмечают ученые-юристы, понимание феномена БРИКС с юридической точки

* *Каширкина А.А.* — ведущий научный сотрудник центра международного права и сравнительно-правовых исследований ИЗиСП, кандидат юридических наук.

Морозов А.Н. — ведущий научный сотрудник центра международного права и сравнительно-правовых исследований ИЗиСП, кандидат юридических наук.

зрения имеет решающее значение. Однако эта тема редко освещается. В то время как в экономическом плане мы наблюдаем увеличение объема выполненных исследований, нельзя игнорировать правовые аспекты этого процесса. Аспект феномена БРИКС как самостоятельной правовой системы, не основанной на конституционных тождествах или общей правовой традиции, а также на четко выраженных правовых формах, полностью игнорируется. На самом деле этот феномен поддерживается «правовыми потоками» и взаимодействием по передаче политики и конституционных заимствований, что позволяет ему быть возможной альтернативой опробованным моделям регионализации².

Соглашаясь с тем, что БРИКС в современной международной системе является феноменом, требующим изучения учеными-юристами, еще преждевременно говорить о наличии в рамках этого объединения самостоятельной правовой системы, поскольку если и говорить о правовой системе применительно к международной организации, то это явление в определенной степени возможно рассматривать на уровне межгосударственных интеграционных объединений с развитым и разветвленным международно-правовым инструментарием, сложившейся правоприменительной практикой, институциональной системой. БРИКС, очевидно, не обладает в настоящее время правовой системой ввиду самой правовой природы этого объединения, специфики взаимодействия государств, документов, принимаемых в рамках этого объединения. Вместе с тем нельзя исключать, что БРИКС может пойти и по пути международно-правовой объективации и институционализации сотрудничества, что, на наш взгляд, является одним из прогнозных вариантов развития БРИКС, но в настоящее время с международно-правовой точки зрения об этом еще говорить преждевременно, да и не всегда придание статуса субъекта международного права межгосударственному объединению, наделение его международной правосубъектностью тождественно его эффективному функционированию.

Таким образом, будущее международно-правовое развитие БРИКС будет предопределяться волями и интересами государств, входящих в состав этого объединения, способностями достигать поставленных целей и решать задачи без международно-правового оформления или, если это будет необходимо, на основе соглашения между государствами БРИКС о придании этому объединению статуса международной организации или межгосударственного объединения.

² Scaffardi Lucia. BRICS, a Multi-Centre “Legal Network”? // Beijing Law Review. Vol. 5, No. 2 (2014). URL: [DOI:10.4236/blr.2014.52013](https://doi.org/10.4236/blr.2014.52013).

Сербские ученые Р. Стойкович и С. Милосавлевич отмечают, что БРИКС стремятся изменить сложившуюся расстановку сил на глобальном уровне, сместить центр мировой силы из евроатлантического региона и создать функциональную многосторонность. Развитие кооперационных отношений между государствами — членами БРИКС и различными международными и региональными акторами имеет жизненно важное значение для продвижения общих интересов в международной торговле, инвестициях, промышленном, научном и технологическом сотрудничестве.

Наука международного права исходит из того, что создание международного объединения или организации всегда представляет собой уникальное сочетание экономических, политических и исторических факторов, на основе которых государства в конкретном регионе или на более широкой географической основе положительно относятся к необходимости создания стабильной интернациональной структуры³.

Таким образом, БРИКС представляет собой уникальный прецедент в истории как модель международного сотрудничества, образованная группой стран, которые различаются друг от друга по нескольким направлениям — от культурного до демографического, но которые тем не менее обеспечивают постоянный процесс сотрудничества и взаимодействия, развивающийся в ответ на прагматические интересы государств⁴.

Относительно специфики сотрудничества в рамках БРИКС в юридической науке присутствует мнение, что в отличие, например от Европейского Союза, который требует от новых государств-членов строгого пересмотра своих конституционных и правовых систем, группа БРИКС использует то, что можно назвать мягкой передачей политики. Такая форма диалога между странами БРИКС сегодня предполагает «легальные потоки», результаты которых нельзя назвать «трансплантациями». Они представляют собой форму «легального заимствования». Они являются результатом решений, принятых на межправительственных сессиях. От транспонирования моделей происходит сдвиг в сторону процедур, что оказывает прямое и положительное влияние на всю правовую систему. Таким образом, закладываются основы прочных правовых «мостов» между различными системами. Именно по этой причине исследования в

³ Klučka, Ján, and Ludmila Elbert. *Regionalism and Its Contribution to General International Law*. First edition. Košice: Pavol Jozef Šafárik University in Košice, 2015.

⁴ Ernani Contipelli. *Where will BRICS go next? Considerations on state and constitution in a comparative perspective*. URL: <https://www.researchgate.net/publication/326534419> *Where will BRICS go next Considerations on state and constitution in a comparative perspective*.

основном сосредотачиваются на изучении моделей этих законодательных систем и изучении «правовых потоков», которые представляют собой глобализацию, включая необходимость сравнения и отношений между системами даже в том случае, когда эти правовые системы сильно различаются. Это новое видение во все более глобальном мире, где, как это ни парадоксально, возрастает важность национальных государств и политики, ориентированной на государство⁵.

Процесс формирования полицентричной глобальной международной системы, одним из очевидных проявлений которой стало создание Федеративной Республики Бразилия, Российской Федерацией, Республикой Индией, Китайской Народной Республикой и Южно-Африканской Республикой межгосударственного объединения БРИКС, сегодня привлекает все больше внимания исследователей и государственных деятелей. И это не случайно, поскольку объединение БРИКС изменило геополитическое состояние современного мира⁶.

Как отмечает А. Раджпут, страны БРИКС попытаются сформировать международное право в соответствии со своими стремлениями. При этом, несмотря на то что страны БРИКС хотят формировать международное право в своем видении, это не означает, что это будет чем-то чуждым существующим структурам — истоки международного права и существующие инструменты международного права остаются. Приоритеты меняются⁷.

Сотрудничество со странами БРИКС является стратегическим направлением внешней политики Российской Федерации, что подчеркивается в важнейших документах в этой сфере, в частности, в Концепции внешней политики 2023 году, а также в Концепции участия Российской Федерации в объединении БРИКС.

Как отмечают исследователи, дизайн международной организации или объединения — это сознательный, рациональный выбор организационной формы, которая будет использоваться для достижения конкретных целей. Организационные переменные будут либо препятствовать, либо улучшать институциональную эффективность в распространении норм и поощрении приверженности выполнению

⁵ Scaffardi Lucia. BRICS, a Multi-Centre “Legal Network”? // Beijing Law Review. Vol. 5. No. 2 (2014). URL: [DOI:10.4236/blr.2014.52013](https://doi.org/10.4236/blr.2014.52013).

⁶ БРИКС: контуры многополярного мира: монография / О.А. Акопян, Н.М. Бевеликова, К.М. Беликова и др.; отв. ред. Т.Я. Хабриева. М. 2015.

⁷ Aniruddha Rajput. BRICS as «rising powers» and the future of international law // Georg Nolte, Heike, Kriege and Andreas Zimmerman (eds). International Rule of Law: Rise or Decline? P. 105–124.

обязательств среди членов международной организации. Структура организации определяет, чего государства добиваются от учреждения⁸.

По мнению Г. Зиеро, анализ документов БРИКС через призму международного мира и безопасности, прав человека и международного экономического права устанавливает рамки структурированного взгляда БРИКС на международное право. Первой особенностью этого подхода является опора БРИКС на многосторонние международные организации, такие как ООН и ВТО. Согласно подходам, сформулированным в БРИКС, эти международные организации позволяют государствам проводить многосторонние переговоры по глобальным проблемам с различными акторами, которые должны иметь центральное место в структуре глобального управления. БРИКС исходит из того, что многосторонние форматы, например ООН, более инклюзивны и демократичны. В них развивающиеся страны имеют больше пространства для действий, чем в других организациях, которые в настоящее время страдают от дефицита легитимности, таких как МВФ. В этом поиске точек соприкосновения между различными игроками, что может привести к противоречивым позициям в многосторонних отношениях, перспектива БРИКС предполагает использование неконфронтационного подхода, основанного на консенсусе и открытого для всех членов международного сообщества без каких-либо различий. Например, одна из тем в БРИКС — реформа системы ООН — демонстрирует важность и уважение неконфронтационного подхода внутри группы. Таким образом, можно предположить, что гармония и общее понимание между субъектами международного права, необходимость всеобщего соблюдения принципов и норм международного права в их взаимосвязи и целостности без использования двойных стандартов, а также недопущение преобладания интересов одних стран над интересами других представляет собой основу подхода БРИКС к международному праву. В настоящее время БРИКС является ключевым игроком в международной системе, и уровень сотрудничества и институционализации внутри группы возрастает с каждым годом. Как продукт своего времени, который все еще находится на очень ранней стадии своего развития, БРИКС можно рассматривать как актора, созданного с целью изменить мировой порядок, в основе которого должны лежать общепризнанные принципы и нормы международного права. Таким образом, перспектива БРИКС опирается на сильный государственно-центристский подход к развитию самых

⁸ Daniel Wehrenfennig. Christopher Balding. Theorizing International Organizations. An Organizational Theory of International Institutions. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/e59d/5b7eb85ce36978e52d08e3ddfe64ba9e8314.pdf>.

различных областей международного права, включая те, которые обычно характеризуются как сосредоточенные на личности, включая сферу прав человека⁹.

В Стратегии экономического партнерства БРИКС до 2025 года БРИКС определяется как платформа для развития диалога и сотрудничества¹⁰.

Как утверждает М. Боно, уникальность группы БРИКС затрудняет ее определение, особенно с точки зрения правовой перспективы. Объемы и уровни сотрудничества между государствами БРИКС настолько разнородны и многогранны, что БРИКС можно анализировать по многим направлениям. Большая часть современной литературы пытается объяснить феномен БРИКС в основном с экономической или политической точки зрения, тогда как наблюдается недостаток исследований, которые были бы сосредоточены на правовом международном измерении БРИКС. Определение БРИКС как организации экономической интеграции было бы не только неправильным, но и чрезвычайно редуцированным¹¹.

С точки зрения международного права БРИКС не является международной организацией, а представляет собой межгосударственное объединение государств без формализованной объективации посредством учредительного международного договора, установленной таким международным договором институциональной системы, порядка принятия решений и их правовой природы и т.д. Плохо это или хорошо для межгосударственного объединения с международно-правовой точки зрения однозначно ответить нельзя. С одной стороны такой формат не позволяет БРИКС четко оформить свою институциональную структуру, закрепить международную правосубъектность, принимать юридически обязательные решения в рамках организации и т.д. С другой стороны, формат «открытой площадки», «клуба друзей» позволяет использовать потенциал по-настоящему свободного сотрудничества государств без каких-либо ограничений по компетенции либо иным параметрам.

Подобная форма международно-правового моделинга, используемого в БРИКС, относит данное объединение на данный момент к структурам со слабо выраженными

⁹ Gabriel Webber Ziero. Looking for a BRICS perspective on international law. URL: <https://www.corteidh.or.cr/tablas/r37282.pdf>.

¹⁰ Стратегия экономического партнерства БРИКС. Официальный сайт Администрации Президента России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/KT0SBHnIZjOpluAj2AOXCnszNQA8u7HL.pdf>.

¹¹ Bono Marta. The dark side of the BRICS: the lack of a legal definition // *Opinio Juris in Comparatione*. Vol. 1. No. 1/2023.

интеграционными связями, но предполагающими широкую вариативность межгосударственного сотрудничества по любому избранному государствами-членами фарватеру — будь то политическое, экономическое либо культурное взаимодействие.

Другой несомненный плюс данной организации — ее поистине глобальный, а не региональный характер. Государства — члены БРИКС представляют различные континенты и население различных регионов мира. Это означает, что ключевыми признаками БРИКС как международной организации являются международная открытость, политическая неблоковость, мультикультурализм и принятие решений полным консенсусом на основе диалога. Кроме того, с точки зрения сравнительного правоведения и международного права БРИКС объединяет государства из различных правовых семей и становится объединением мультикоммунитарного характера с новыми подходами к международному сотрудничеству.

Как отмечается в научных исследованиях, наиболее вероятный сценарий развития БРИКС — что это объединение будет по-прежнему иметь весьма неформальную форму и будет стратегически использоваться государствами, входящими в его состав, как платформа координации действий на глобальном уровне. Для этого БРИКС не нужно быть международной организацией и обладать международной правосубъектностью. Вместе с тем это также означает, что БРИКС не может юридически выступать как единое целое на международной арене. При этом БРИКС никогда по-настоящему не пыталась идентифицировать себя с международно-правовой точки зрения. Разрозненные упоминания о международно-правовой объективации БРИКС определяют это объединение как платформу для диалога и сотрудничества, стратегическое партнерство, в качестве форума, оставляя строго правовые границы группы вне обсуждения¹².

Таким образом, опыт БРИКС как объединения, в то же время не являющегося международной организацией, представляет огромный научный интерес, поскольку в рамках этой структуры посредством актов, формально не обладающих юридической обязательностью, но имеющих очень весомое политическое значение для государств-участников, возможно наиболее эффективно выстраивать систему отношений в различных сферах взаимовыгодного сотрудничества.

БРИКС функционирует в рамках международной системы на основе общепризнанных принципов и норм международного права, международно-правовых

¹² Bono Marta. The dark side of the BRICS: the lack of a legal definition // *Opinio Juris in Comparatione*. Vol. 1. No. 1/2023.

обязательств, вытекающих из членства в Организации Объединенных Наций, из международных договоров универсального, регионального, двустороннего характера. Причем общепризнанные принципы и нормы международного права, включая принцип невмешательства во внутренние дела государств, уважения государственного суверенитета, территориальной целостности и нерушимости границ используются для выстраивания международных отношений между государствами БРИКС.

При этом взаимодействие международного и внутригосударственного правового регулирования дают тот синергетический эффект, который обеспечивает выстраивание взаимоотношений в рамках БРИКС на основе Устава Организации Объединенных Наций, общепризнанных принципов и норм международного права, а также принципов, согласованных между участниками объединения, таких как открытость, прагматизм, солидарность, неблоковый характер и ненаправленность против третьих сторон.

Именно такой подход и отражен в Концепции участия Российской Федерации в объединении БРИКС.

Сотрудничество в рамках БРИКС ставит как определенные задачи перед юридической наукой, так и открывает новые направления для выстраивания взаимовыгодного сотрудничества с государствами, с которыми у Российской Федерации сложились отношения на основе равноправия, взаимной выгоды, уважения и учета интересов друг друга.

Мы исходим из того, что правовые вопросы, связанные с функционированием БРИКС, не только открывают перспективные возможности для развития сотрудничества государств-участников под эгидой этого объединения, но, что не менее важно, способствуют открытию новых горизонтов в юридической науке как национального, так и международного права, что в конечном счете должно способствовать развитию человеческого потенциала государств БРИКС, совершенствованию национальных экономик, укреплению международного правопорядка на основе строгого соблюдения общепризнанных принципов и норм международного права.

Таким образом, в настоящее время БРИКС не имеет четких международно-правовых контуров, включая международно-правовую базу и институциональную основу. Вместе с тем вопрос о содержательном международно-правовом «наполнении» и оформлении данной структуры еще открыт. С точки зрения международного права, несомненно, основным регулятором сотрудничества государств в формате БРИКС будет «мягкое право», объективируемое преимущественно в декларации и иные акты «мягкого права». Однако существует

мнение, что в рамках будущего международного права «удельный вес» «мягкого права» будет постепенно расти, а площадки международных форумов, клубов и иных международных объединений без «жесткой» международно-правовой основы будут еще более интересны государствам ввиду отсутствия в них «международно-правовой нагрузки».

В современных условиях одной из важных тенденций правового развития демократических государств является расширение каналов взаимодействия международного права с национальными правовыми системами, включая заключение международных договоров, участие в межгосударственных интеграционных объединениях и различных международных организациях¹³.

В связи с этим особый интерес представляют дискуссии ученых-юристов относительно соотношения международного и конституционного права. Вопрос о том, какие нормы международного права и каким образом входят в национальное право, разрешается в доктрине преимущественно за счет анализа конституции конкретного государства и его законодательства о порядке заключения, исполнения и прекращения международных договоров, если в соответствующих государствах приняты подобные нормативные правовые акты.

С точки зрения исследования конституций государств БРИКС на предмет определения конституционно-правового статуса международного права и права интеграционных объединений представляют научно-практический интерес подходы, сформулированные в рамках международного сравнительного права. Реальность мирового порядка и лежащие в его основе нормативные рамки — международное право — интерпретируются через призму тех, кто их использует. Внутренние обычаи, законы и нормы влияют на отношение государств к международному праву. Влияние внутренних представлений о морали, справедливости и праве ясно видно на протяжении всей истории, например, в генезисе и эволюции международных институтов, конкретных правовых решений, адаптированных как часть международного правопорядка и всего свода международного права. Ни одна часть международного права не создавалась в правовом вакууме. Действительно, структура международных институтов, а также логика и структура международных правил непосредственно определяются и формируются принципами и нормами,

¹³ Современная концепция взаимодействия международного и внутригосударственного права: монография / В.Р. Авхадеев, Г.М. Азнагулова, С.Б. Бальхаева и др.; отв. ред. А.Я. Капустин. М. 2022. С. 194.

вытекающими из национальных правовых традиций¹⁴. Идеи сравнительного права могут оказаться полезными в области международного права, включая вопросы взаимодействия международного права и внутригосударственного права, исследование имплементации международных норм в различных правовых системах, регламентацию процессов заключения, реализации и прекращения международных договоров, соотношение норм международного и национального права, в том числе иерархию норм конституции и норм международного права. Первый способ — помочь определить основное содержание международного права, например, когда необходимо выяснить международно-правовой обычай или общий принцип. В этих случаях необходимо проанализировать государственную практику и выяснить, являются ли определенные принципы общими для правовых систем различных государств. Второй способ связан с толкованием и применением международного права. В этом отношении сторонники сравнительного международного права осознают, что различные интерпретации норм международного права лежат в основе непонимания, поэтому сравнительный подход может привести к улучшению в этой области. Третий метод — обеспечить понимание и объяснение различных подходов к международному праву, учитывая юридическую доктрину, правотворческую, правоприменительную практику, правовую культуру и т.д.¹⁵.

Методология сравнительного права уже используется в некоторых областях международного публичного права, поскольку необходимо поддерживать мосты между общим международным правом, интеграционным правом и внутригосударственным правом. Сравнение того, как нормы истолковываются и осмысляются на универсальном или региональном уровне, а также воспринимаются и применяются на внутригосударственном уровне, крайне важно для эффективной оценки содержания, охвата и действенности нормы международного права¹⁶.

Как отмечают исследователи, эмпирическое исследование национальных конституций привело к выводу, что хотя влияние международного права на национальные конституционные системы является значительным, конституционные суды не обязательно поддерживают верховенство международного права над

¹⁴ Powell, Emilia Justyna. Comparative International Law and the Social Science Approach // Chicago Journal of International Law. 2021. Vol. 22: №. 1. Article 13.

¹⁵ Ermanno Calzolaio. Comparative law and international law: inevitable liaisons? URL: <http://www.qil-qdi.org/comparative-law-and-international-law-inevitable-liaisons/>.

¹⁶ Carcano Andrea. Uses and possible misuses of a Comparative International Law approach. URL: <http://www.qil-qdi.org/wp-content/uploads/2018/10/03-Comparative-International-Law-CARCANO.pdf>.

национальными конституциями. Однако, хотя это кажется проблемой иерархии нормативных правил, существует четкая тенденция к постепенной гармонизации национальных конституций во всем мире, главным образом в области прав человека¹⁷.

Тематика взаимоотношений между международным и национальным правом затрагивает все более практичные и деликатные вопросы. В связи с этим в последнее время отношения между международным и национальным правом, особенно вопрос о верховенстве того или иного из них, все чаще становится предметом судебных решений и академических дебатов. Дискуссия постоянно характеризуется непримиримыми противоположностями, что приводит к долгим, а иногда и ожесточенным спорам. Возможно отметить, что есть два противоположных лагеря: с одной стороны, есть юристы-международники, которые подчеркивают самоочевидную обоснованность и верховенство международного права. С другой стороны, специалисты по конституционному праву считают, что все, что касается эффективности и легитимности права во внутренней сфере, имеет свои корни в конституционном праве¹⁸.

Международная и внутригосударственная правовые системы находятся в состоянии постоянного изменения и подвержены различным влияниям на юридическом и политическом уровне. В то время как международное право не устанавливает своего действия на национальном уровне, включение международного права в национальное право регулируется конституцией государства. С одной стороны, такие конституционные положения подчеркивают важность и позицию конституции по отношению к международному праву, а с другой стороны, они регулируют вопросы взаимодействия и соотношения между международным правом и национальным правом¹⁹.

¹⁷ De Lombaerde, Philippe and Rodriguez, Liliana, International Regionalism and National Constitutions: A Jurimetric Assessment (June 2014). Robert Schuman Centre for Advanced Studies Research Paper No. RSCAS 2014/72, available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2458947> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2458947>.

¹⁸ Hans-Detlef Horn. International and Constitutional Law Doctrines on the Correlation between National and International // On the Correlation between National and International Law Results of a Joint German-Russian Research Seminar. Edited by Hans-Detlef Horn and Stefanie Bock. Marburg, Germany 2020. P. 7–22.

¹⁹ Jeneka Manoharan. The Federal Constitutional Court of Germany on the Openness of National Law to International Treaty Law // On the Correlation between National and International Law Results of a Joint German-Russian Research Seminar. Edited by Hans-Detlef Horn and Stefanie Bock. Marburg, Germany 2020. P. 58–66.

Доктрина современного международного права исходит из множественности, многоуровневости и нелинейности соотношения международного и национального права. Это означает, что влияние международного права и внутригосударственного признается взаимодействующим в прямых и обратных связях.

Международное право служит фундаментом, основой за счет общепризнанных принципов и норм для согласования воли государств и их сосуществованию на международной арене. В то же время внутригосударственное право, как более сформированное и исторически развитое, дает международному праву новые импульсы развития, которые впоследствии могут войти в «матрицу» международного права в качестве составной части посредством закрепления в международном договоре, решении международной организации, международно-правовом обычае²⁰.

В конституциях государств БРИКС вопрос о соотношении международного и интеграционного права и внутригосударственного права решается по-разному. Особо следует отметить, что существуют модели конституций, где особо определяется место международного права в правовой системе государства. Вместе с тем интеграционные каналы взаимодействия: ориентированность на международное интеграционное сотрудничество, порядок передачи части суверенных полномочий наднациональным органам международных организаций и объединений, место решений наднациональных органов в правовой системе государства — представлены далеко не во всех конституциях.

Таким образом, конституционный моделинг предполагает опору на определение места и роли общепризнанных принципов и норм международного права, а также международных договоров государства, тогда как интеграционное право в определенном компоненте может быть отражено в тексте конституции в дополнение к международно-правовому компоненту. Но далеко не всегда.

Рассмотрим конституции стран, входящих в БРИКС, на предмет закрепления в них места норм международного и интеграционного права в национальных правовых системах, разрешения вопросов, связанных с коллизиями норм международного и внутригосударственного права, отражения норм и принципов международного права в национальном законодательстве, включая в первую очередь сами основные законы.

При этом мы исходим из того, что современная конституция — это учредительный правовой акт, основной закон государства, принимаемый и изменяемый в

²⁰ Каширкина А.А. Доктринальные подходы к соотношению международно-правовых и национальных норм // Журнал российского права. 2009. № 6.

усложненном порядке, обладающий в современных условиях особым объектом регулирования, высшей юридической силой и являющийся юридической базой для правотворчества, правоприменения и правосознания²¹.

Правовая система **Бразилии** в целом относится к романо-германской правовой семье, входя в ее обособленную латиноамериканскую группу²².

В преамбуле Конституции Федеративной Республики Бразилия содержатся положения, касающиеся международного права. Так, в преамбуле провозглашается уважение международного правопорядка с разрешением разногласий мирными средствами. Согласно Конституции Федеративной Республики Бразилия государство стремится к экономической, политической, социальной и культурной интеграции народов Латинской Америки с целью формирования латиноамериканского сообщества наций.

В международных отношениях Федеративная Республика Бразилия руководствуется такими принципами, как национальная независимость, приоритет прав человека, самоопределение народов, невмешательство, равенство между государствами, защита мира, мирное урегулирование конфликтов, отказ от терроризма и расизма, сотрудничество между народами в интересах прогресса человечества, предоставление политического убежища (ст. 4).

К исключительной компетенции Национального конгресса относится вынесение окончательного решения по международным договорам, соглашениям или актам, которые влекут обязательства или обременения, накладываемые на национальное имущество, являющееся собственностью государства (ст. 49).

Согласно статье 84 Президент Республики имеет исключительные полномочия: поддерживать отношения с иностранными государствами и аккредитовывать их представителей.

Федеральному верховному суду принадлежит право рассматривать в чрезвычайном апелляционном порядке дела, по которым было вынесено в последней или единственной инстанции решение в отношении: объявления неконституционности какого-либо международного договора или какого-либо федерального закона (ст. 102).

Высший трибунал правосудия имеет полномочие выносить решения в специальном апелляционном порядке по делам, разрешенным в единственной и последней инстанции областными федеральными трибуналами, трибуналами штатов,

²¹ Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М. 2005. С. 39.

²² Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник. Отв. ред. Сухарев А.Я. М. 2003. С. 112.

Федерального округа и территорий, если их решение противоречит какому-либо международному договору (ст. 105).

Статья 109 устанавливает, что в компетенцию федеральных судей входит рассмотрение и вынесение решений в отношении дел, возникших в связи с каким-либо международным договором или контрактом Союза с иностранным государством или международной организацией.

Интересное положение содержится в статье 7 Акта о переходных конституционных положениях. Так, в статье 7 установлено, что Бразилия поддерживает идею образования Международного суда по правам человека²³.

Как отмечают бразильские ученые-юристы, Конституция Федеративной Республики Бразилия признает, хотя и косвенно, международные договоры как часть внутреннего права, но оставляет без ответа важные аспекты, связанные с их применением. Таким образом, судебная система Бразилии столкнулась с критическими проблемами, касающимися влияния международных договоров на внутреннее право, особенно в отношении их продолжительности действия, последствий и иерархического положения. При этом, несмотря на действия бразильских судов, юридическая неопределенность по этому вопросу сохраняется. Бразилия в целом занимает умеренную монистическую позицию. Международные договоры о правах человека имеют особый режим. После утверждения в соответствии с конституционными процедурами они будут иметь конституционную иерархию, и служить парадигмой для концентрированного конституционного контроля над законом и другими международными договорами²⁴.

Правовая система **Индии** обладает исключительным своеобразием, представляя смесь и сосуществование различных правовых культур, а индийское право полисистемно²⁵.

Конституция Республики Индия предусматривает, что Парламент имеет право издать любой закон, действительный на всей территории Индии или любой ее части, в целях введения в действие любого договора, соглашения или конвенции с любой другой страной или странами или любого решения, принятого какой-либо международной конференцией, международной ассоциацией или другим органом (ст.

²³ Конституции государств Америки в 3 т. Т.3 Южная Америка. М. 2006.

²⁴ Ana Cristina Paulo Pereira. Eraldo Silva Júnior. Domestic Law and International Law in Brazil // Panor. Braz. law —Year 4 — Numbers 5 and 6 — 2016 — pp. 197–222.

²⁵ Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник. Отв. ред. Сухарев А.Я. М. 2003. С. 266.

253)²⁶.

Согласно ст. 51 Конституции Индии государство стремится: содействовать международному миру и безопасности, поддерживать справедливые и уважительные отношения между нациями, поощрять уважение международного права и обязательств по договорам в отношениях между народами, способствовать урегулированию международных споров посредством арбитража²⁷.

Как отмечает В.Г. Хегде, история разработки статьи 51 Конституции Индии по существу отражает подход индийского государства к вопросам, касающимся международных отношений и места международного права в этом контексте. Мягкий подход к статье 51 Конституции Индии также связывают со спецификой отношений Индии со своими соседями, проблемами совместного использования воды, пограничными проблемами и множеством других вопросов. При этом исходят из того, что Индия предпочла переговоры для урегулирования большинства этих вопросов мирным или дружеским путем посредством арбитража, как это и отражено в ст. 51 индийской Конституции²⁸.

Конституция Индии воплощает в себе базовую основу для выполнения международных договорных обязательств, взятых на себя Индией в рамках ее внутренней правовой системы²⁹.

Индийская Конституция ничего не говорит о статусе международного права во внутренней правовой системе. Она не обязывает и не уполномочивает судебную власть использовать международное право при принятии решений. Вместе с тем индийские суды регулярно ссылаются на международные договоры и другие положения международного права для конституционного толкования³⁰.

Как отмечает индийский юрист В. Гупта, трудности применения международного права за последние пару десятилетий в рамках внутренней правовой системы увеличились, а нормы стали все больше меняться. Специально для Индии высказывались многочисленные сомнения относительно возможности создания

²⁶ Конституции государств Азии в 3 т. Т.2 Средняя Азия и Индостан. М. 2010.

²⁷ Конституции государств Азии в 3 т. Т.2 Средняя Азия и Индостан. М. 2010.

²⁸ Hegde V.G. International Law in the Courts of India // Asian Yearbook of International Law. 2013. 19. P. 63–87.

²⁹ Shrishti Verma. Role of Indian Judiciary in implementing International Law. URL: <https://legallyflawless.in/role-indian-judiciary-implementing-international-law/>.

³⁰ Sehrawat Vivek. Implementation of International Law in Indian Legal System // Florida Journal of International Law: Vol. 31: Iss. 1, Article 4. URL: <https://scholarship.law.ufl.edu/fjil/vol31/iss1/4>.

системы, в которой судебная власть будет играть более значимую роль, чем простого блюстителя закона, часто отваживающегося идти по линии законодательства. Но нельзя отрицать, что такая активная роль индийской судебной системы способствовала развитию права как инструмента расширения полномочий как в соответствии с внутренним законодательством, так и в соответствии с международным правом. Ссылки на международное право, хотя и ограниченные, неизбежно привели к развитию внутреннего законодательства, особенно в контексте толкования Конституции. В условиях растущей глобализации и обширных межстрановых споров индийская судебная система может ожидать еще более частых столкновений с международным правом. В идеале парламент должен играть активную роль в предотвращении усиления влияния международного права через его законодательные обязанности, а судебная система должна подготовиться к более глубокому юридическому анализу режимов международного права во внутрисударственной сфере, осторожно добавляя его во внутреннюю судебную практику³¹.

Влияние международного права на внутренний правопорядок в различных странах мира многообразно. Индия, следует «дуалистической» юридической школе в отношении реализации международного права на внутреннем уровне. Таким образом, в Индии международные договоры не являются автоматически частью национального законодательства. При необходимости они должны быть включены в правовую систему посредством закона, принятого Парламентом.

Индийская судебная система, хотя и не уполномочена принимать законы, может свободно толковать обязательства Индии по международному праву в системной связи с внутренними законами страны при вынесении своего решения по делу, касающемуся вопросов международного права. В этом отношении индийская судебная система сыграла активную роль в выполнении международных обязательств Индии по международным договорам, особенно в области прав человека и экологического права³².

В то же время необходимо отметить, что в достаточном количестве конституций государств специально не определяется место международных договоров в правовой системе страны. Среди стран, участвующих в БРИКС, помимо Индии, это Китай, ОАЭ.

Правовая система **Объединенных Арабских Эмиратов** носит смешанный

³¹ Vayuna Gupta. Using International Law in Domestic Indian Courts. URL: <https://www.nyujilp.org/volume-54-2021-2022/>.

³² Sunil Kumar Agarwal, Implementation of International Law in India: Role of Judiciary. 2010. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1864489.

характер³³.

Согласно Конституции Объединенных Арабских Эмиратов, Правительство уведомляет членов Федерального национального совета о международных договорах и соглашениях, заключенных Объединенными Арабскими Эмиратами с другими государствами и международными организациями, представляя одновременно соответствующие пояснения (ст. 91).

В соответствии со ст. 12 Конституции ОАЭ внешняя политика Федерации направлена на содействие и защиту арабских и исламских общих интересов и укрепление дружеских связей и отношений сотрудничества со всеми нациями и народами на основе принципов Устава Организации Объединенных Наций и норм международного права.

Совет министров осуществляет контроль и надзор за исполнением заключенных Федерацией международных договоров и соглашений (п. 7 ст. 60). Правительствам эмиратов надлежит принимать меры по исполнению международных договоров и соглашений (ст. 125)³⁴.

Юристы-международники Объединенных Арабских Эмиратов придерживаются устоявшейся в научной литературе и подтвержденной практикой позиции, согласно которой государство свободно определяет условия реализации международного договора в своей конституции. Конституция каждой страны определяет статус международного договора в правовой системе страны. В научной литературе Объединенных Арабских Эмиратов отмечается, что международный договор находится в ранге федеральных законов и приравнивается к ним. Таким образом, национальная судебная система применяет международный договор по собственной инициативе. Международный договор имеет силу закона в рамках системы законодательства Эмиратов. То есть международный договор находится на более низком уровне, чем Конституция. Общее правило заключается в том, что в случае возникновения коллизий между международным договором и федеральным правом, применяется последнее. Вместе с тем последующий закон должен быть истолкован таким образом, чтобы его применение не приводило к нарушению международных договоров Объединенных Арабских Эмиратов.

Существует судебный контроль за конституционностью договора, то есть за соответствием договора положениям Конституции. Федеральный Верховный Суд

³³ Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник. Отв. ред. Сухарев А.Я. М. 2003. С. 580.

³⁴ Конституции государств Азии в 3 т. Т.1. Западная Азия. М. 2010.

следит за конституционностью международных договоров, как и за конституционностью федеральных законов, что предполагает как процессуальный надзор, так и надзор по существу³⁵.

Современная правовая система **Ирана** также носит смешанный характер, в ней тесно переплетаются элементы мусульманской и романо-германской правовых систем³⁶.

Конституция Ирана разделена на 14 глав и состоит из 177 статей. Разделы, имеющие отношение к международному праву, расположены в нескольких главах и статьях, включая главу X (о внешней политике) и статьи 3(16) и 11 (об исламском сообществе или Умме), 77 (о договорах), 81 (о концессионных соглашениях) и 125 (о заключении договоров).

Статья 77 Конституции Исламской Республики Иран гласит, что договоры, соглашения и иные международные документы должны проходить ратификацию в Меджлисе Исламского совета. Президент или его законный представитель подписывает договоры и соглашения иранского правительства с другими государствами, а также договоры, относящиеся к международным организациям, после их ратификации Меджлисом Исламского совета (ст. 125). При этом согласно иранской Конституции запрещается заключать любой договор, который привел бы к установлению иностранного господства над природными и экономическими ресурсами, культурой, армией и другими сферами жизни государства (ст. 153).

Сейид Мостафа Мирмохаммади Азизи отмечает, что ни одна из иранских конституций ни до, ни после Исламской революции 1979 года не занимала четкой позиции по отношению к международному праву. Однако действующая сейчас Конституция в некоторых своих принципах и главах указывает на взаимосвязь между международным правом и Конституцией.

В целом, необходимо проводить различие между международным договорным правом и обычным правом. Как и любое государство, Иран является участником большинства универсальных международных договоров, включая конвенции по правам человека и гуманитарному праву. Что касается международных договоров, статья 9 Гражданского кодекса Ирана устанавливает: «*Положения договоров, которые*

³⁵ Allam, Wael. The Status of International Treaty in the United Arab Emirates Constitution // Journal Sharia and Law: Vol. 2014: No. 59, Article 3. URL: https://scholarworks.uaeu.ac.ae/sharia_and_law/vol2014/iss59/3.

³⁶ Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник. Отв. ред. Сухарев А.Я. М. 2003. С. 296–297.

в соответствии с конституционным законом были заключены между правительством Ирана и другим правительством, имеют силу закона». Согласно статье 9, если соответствующие договоры ратифицированы с соблюдением конституционных требований, они занимают ранг обычных парламентских законов во внутренней иерархии норм. Похоже, что иранский законодатель пропагандирует теории, которые тяготеют к сильному монизму, отдавая приоритет внутреннему праву и отрицая какую-либо обязательную силу договорных положений, которые несовместимы с внутренним законодательством Ирана или исламским правом³⁷.

Правовая система **Китайской Народной Республики** носит смешанный характер, представляя собой «сплав» древних правовых традиций и современного законодательства, основанного на идеях «социализма с китайской спецификой» и некоторых принципах романо-германского права³⁸.

В Конституции Китайской Народной Республики установлено, что Китай последовательно проводит независимую внешнюю политику и придерживается следующих принципов: взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, взаимный отказ от агрессии, невмешательство во внутренние дела друг друга, развитие отношений на основе равенства и взаимной выгоды и мирного сосуществования, развитие дипломатических отношений, экономический и культурный обмен с другими странами.

Согласно Конституции Китайской Народной Республики Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей принимает решения о ратификации и денонсации договоров и важных соглашений, заключенных с иностранными государствами (п. 15 ст. 67). В соответствии со ст. 81 Председатель Китайской Народной Республики ратифицирует и денонсирует договоры и важные соглашения, заключенные с иностранными государствами. В свою очередь Государственный совет управляет делами в области внешних сношений, заключает договоры и соглашения с иностранными государствами (п. 9 ст. 89)³⁹.

С момента основания Китайской Народной Республики в 1949 году добросовестное выполнение ее международных обязательств было не только одним

³⁷ Seyed Mostafa Mirmohammadi Azizi. Islamic Law and International Law in the Islamic Republic of Iran's Constitution. URL: <https://lawexplores.com/islamic-law-and-international-law-in-the-islamic-republic-of-irans-constitution/>.

³⁸ Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник. Отв. ред. Сухарев А.Я. М. 2003. С. 376.

³⁹ Конституции государств Азии в 3 т. Т. 3. Дальний Восток. М. 2010.

из основных принципов внешней политики Китая, но и основополагающим принципом китайского законодательства. За последние тридцать лет Китай добился значительного прогресса в выполнении международных обязательств в своей внутренней правовой системе⁴⁰.

Как отмечает китайский исследователь Чжу Сяоцин, поскольку в Конституции Китайской Народной Республики не устанавливается взаимосвязь между международными договорами и внутригосударственным правом, сегодня в законодательной и судебной практике связь между ними по-прежнему четко не определена. В отличие от других стран, где статус международного договора во внутригосударственной правовой системе определен Конституцией, в китайской Конституции не содержится четко выраженных установлений о статусе международного договора. Поэтому на практике китайские специалисты в области международного права большей частью оценивают и определяют статус международного договора в китайской правовой системе, исходя из содержащихся в Конституции, конституционных законах и гражданских законах положений, касающихся сути ратификации и порядка заключения договоров, а также из преимущественной силы договоров в случае их противоречия положениям внутригосударственного права, и считают, что международный договор в китайской правовой системе стоит ниже Конституции и на одном уровне с законом. Следовательно, так как вывод о статусе международного договора сделан на основании порядка его ратификации, пока еще нельзя говорить, что в китайском внутригосударственном праве уже сформирован принцип статуса международного договора⁴¹.

Китайская юридическая наука исходит из того, что несмотря на то, что Конституция Китая и его основополагающие законы не содержат общих положений о статусе международных договоров во внутренней правовой системе, основные договорные обязательства, взятые на себя Китаем, в значительной степени инкорпорированы в специальные национальные законы. Однако нельзя сделать общий вывод о том, что международное право имеет преимущественную силу над внутренним законодательством в рамках китайской правовой системы, поскольку преобладающая сила международных договоров во внутреннем праве не вытекает из

⁴⁰ Hanqin Xue, Qian Jin, International Treaties in the Chinese Domestic Legal System, *Chinese Journal of International Law*, Volume 8, Issue 2, July 2009, Pages 299–322. URL: <https://doi.org/10.1093/chinesejil/jmp007>.

⁴¹ Чжу Сяоцин. Реализация в Китае Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции. В кн. Верховенство закона и борьба с коррупцией. 2015. С. 146–147.

какого-либо правового положения Конституции или национального закона общего применения, а ограничивается теми международными обязательствами, которые прямо взял на себя Китай.

Более того, в китайской юридической практике международные договоры приобретают преимущественную силу по отношению к внутреннему законодательству только в том случае, если соответствующий внутренний закон содержит прямое положение на этот счет. Другими словами, нормы о порядке разрешения возможных коллизий действуют только в пределах соответствующих конкретных законов. Такое законодательное ограничение выполнения международных договорных обязательств во внутреннем праве призвано поддерживать разумный баланс между национальной законодательной властью и международной договорной практикой, а также обеспечивать единообразие и гармонизацию внутренней правовой системы⁴².

В Китайской Народной Республике действует Закон Китайской Народной Республики от 28 декабря 1990 года «О порядке заключения договоров»⁴³. Как установлено в Законе, он применяется к двусторонним или многосторонним договорам и соглашениям, а также другим документам, имеющим характер договоров или соглашений, заключенных между Китайской Народной Республикой и иностранными государствами. Согласно рассматриваемому Закону Китайская Народная Республика заключает договоры и соглашения с иностранными государствами от имени Китайской Народной Республики, Правительства Китайской Народной Республики, Государственных ведомств Китайской Народной Республики (ст. 4).

Закон Китайской Народной Республики регламентирует, какого рода международные договоры подлежат ратификации. К таким международным договорам согласно Закону Китайской Народной Республики «О порядке заключения договоров» относятся:

- договоры о дружбе и сотрудничестве, мирные договоры и другие договоры политического характера;
- договоры и соглашения о территории и делимитации границ;
- договоры и соглашения, касающиеся судебной помощи и экстрадиции;
- договоры и соглашения, содержащие положения, несовместимые с законами

⁴² Hanqin Xue, Qian Jin, International Treaties in the Chinese Domestic Legal System, *Chinese Journal of International Law*, Volume 8, Issue 2, July 2009, Pages 299–322. URL: <https://doi.org/10.1093/chinesejil/jmp007>.

⁴³ Закон Китайской Народной Республики от 28 декабря 1990 года «О порядке заключения договоров». URL: <http://www.lawinfochina.com/display.aspx?lib=law&id=1213&CGid=>.

Китайской Народной Республики;

– договоры и соглашения, подлежащие ратификации по соглашению договаривающихся сторон;

– другие договоры и соглашения, подлежащие ратификации (ст. 7).

Южно-Африканская Республика имеет смешанную правовую систему, сочетающую элементы римского-голландского права и английского права. Также действует обычное право⁴⁴.

В соответствии с Конституцией Южно-Африканской Республики любой международный договор становится частью права Республики после того, как он имплементирован в правовую систему национальным законодательством. Однако положения договора, вступающие в силу немедленно после одобрения его Парламентом, являются частью права Республики, кроме случая, когда они не соответствуют Конституции или Акту Парламента. Республика связана международными договорами, имевшими для Республики обязательную силу на момент вступления в силу данной Конституции (ст. 231). В свою очередь, согласно ст. 232 обычное международное право является правом в Республике, кроме случая, когда оно не соответствует Конституции или Акту Парламента. При толковании любого законодательства суд должен отдавать предпочтение разумному толкованию законодательства, которое бы соответствовало международному праву, нежели альтернативному толкованию, которое бы не соответствовало международному праву (ст. 233).

Как отмечают представители юридической науки Южно-Африканской Республики, Конституция Южной Африки считается одной из наиболее дружественных к международному праву конституций в мире. Например, она предусматривает, что интерпретация Билля о правах должна учитывать международное право, что при толковании любого законодательства любое разумное толкование, соответствующее международному праву, должно быть предпочтительнее любого другого толкования, несовместимого с международным правом, и что обычное международное право является законом в Республике, за исключением случаев, когда оно противоречит Конституции или акту Парламента.

С доктринальной точки зрения, применимы или нет нормы международного права, относящиеся к идентификации и интерпретации, зависит от внутренней

⁴⁴ Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник. Отв. ред. Сухарев А.Я. М. 2003. С. 940.

системы. В Южной Африке эти правила можно найти в Конституции. Согласно статье 232 Конституции, обычное международное право является правом в Южной Африке. Суды Южной Африки обязаны применять правила толкования, установленные Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 года и правила, относящиеся к определению обычного международного права⁴⁵.

Правовая система **Эфиопии** входит в романо-германскую правовую семью. При этом в ней достаточно широко представлены институты английского общего права, а в качестве автономных систем действует обычное и мусульманское право⁴⁶.

Так, Конституция Федеративной Демократической Республики Эфиопия предусматривает, что все международные договоры, ратифицированные Эфиопией, являются составной частью ее правовой системы (п. 4 ст. 9)⁴⁷.

В эфиопской юридической доктрине отмечается, что критическая оценка доминирующей литературы о статусе международных договоров по правам человека в Конституции Федеративной Демократической Республики Эфиопия выявляет совпадающие мнения относительно нормативного положения ратифицированных договоров в пирамиде законов страны. Возникающие проблемы имеют двухуровневое измерение относительно статуса международных договоров. На одном уровне положение о верховенстве Конституции (п. 1 ст. 9), согласно которому любой противоречащий Конституции закон, обычная практика или решение государственного органа или государственного должностного лица являются недействительными, привело к утверждению, что Конституция имеет преимущественную силу над всеми ратифицированными международными договорами. На другом уровне положение п. 4 ст. 9, устанавливающего, что все международные договоры, ратифицированные Эфиопией, являются составной частью ее правовой системы и норма п. 2 ст. 13, согласно которому основные права и свободы должны толковаться в соответствии с принципами, установленными Всеобщей декларацией прав человека, международными пактами о правах человека, а также международными документами, принятыми Эфиопией, являются лишь частичным ответом на вопрос об иерархическом положении ратифицированных договоров в правовой системе

⁴⁵ Tladi, Dire. Interpretation and international law in South African courts: The Supreme Court of Appeal and the Al Bashir saga. *African Human Rights Law Journal*. 2016. 16(2), 310–338. URL: <https://dx.doi.org/10.17159/1996-2096/2016/v16n2a1>.

⁴⁶ Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник. Отв. ред. Сухарев А.Я. М. 2003. С. 925.

⁴⁷ Конституции государств Африки и Океании. Т.2. Восточная Африка. М.2018.

Эфиопии.

Нормы международного права и международная судебная практика диктуют, что обязательства государств, вытекающие из международного права, действуют внутри страны независимо от противоречащего международно-правовым нормам внутреннего законодательства. И Эфиопия ни в коем случае не является исключением, поскольку, как и другие государства, Эфиопия не может ссылаться на положения внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора (ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года), а это, в свою очередь означает, что более поздний закон не может преобладать над всеми ранее ратифицированными международными договорами и должен соответствовать им.

Эфиопия не может на законных основаниях издавать внутренние нормативные правовые акты, которые противоречат ее международным договорным обязательствам, и в результате более поздние нормативные правовые акты не имеют преимущественную силу над ранее ратифицированными международными договорами. Таким образом, ратифицированные международные договоры имеют преимущественную силу над противоречащими внутригосударственными нормативными правовыми актами независимо от даты их принятия.

При этом ратифицированные международные договоры оцениваются не ниже Конституции Эфиопии, как это обычно утверждается в эфиопской юридической доктрине, и являются, скорее, ее неотъемлемой частью, подразумевая, что ратифицированные международные договоры Эфиопии и Конституция Эфиопии образуют единое целое и разделяют равенство нормативного статуса. Далее автор приходит к выводу, что можно с уверенностью заключить, что международные договоры имеют, по крайней мере, равный правовой статус с Конституцией. При этом любая другая интерпретация порождает необоснованный сценарий, при котором Эфиопия будет нарушать свои международные обязательства. Положение о примате международных договоров следует понимать так, как это прямо указано в п. 1 ст. 9, согласно которому Конституция имеет верховенство над законом, обычной практикой или решением государственного органа или должностного лица, противоречащим Конституции. Международные договоры как воплощение международных норм, а также их нормативный статус отличаются от того, что обычно именуется законом, обычной практикой или решением государственного органа или государственного

должностного лица⁴⁸.

Правовая система современного **Египта** сформировалась в XIX–XX вв. в результате взаимодействия мусульманского и европейского права⁴⁹.

Согласно Конституции Египта Президент Республики представляет государство в международных отношениях, заключает договоры и ратифицирует их после одобрения Палатой представителей. Такие договоры приобретают силу закона после их опубликования.

В отношении договоров о мире, союзных договоров, а также договоров, касающихся прав, вытекающих из суверенитета, избиратели созываются на референдум. Такие договоры могут быть ратифицированы только после объявления об их одобрении на референдуме. В любом случае не может быть заключен какой-либо договор, который противоречит положениям Конституции или предусматривает уступку какой-либо части государственной территории (ст. 151)⁵⁰.

В соответствии с Законом от 18 августа 2021 года № 137 «О внесении изменений в некоторые положения Закона о Верховном конституционном суде»⁵¹ были расширены полномочия суда, включая проверку конституционности решений международных организаций и органов, а также постановлений иностранных судов, подлежащих исполнению против государства. В соответствии с новой статьей 33 bis, премьер-министр может обратиться в Верховный конституционный суд с просьбой вынести постановление о неисполнении таких решений и постановлений или обязательств, которые они влекут за собой, при условии, что в ходатайстве указывается,

⁴⁸ Takele Soboka Bulto. The Monist-Dualist Divide and the Supremacy Clause: Revisiting the Status of Human Rights Treaties in Ethiopia. URL: https://journals.co.za/doi/pdf/10.10520/AJA00220914_145.

⁴⁹ Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник. Отв. ред. Сухарев А.Я. М. 2003. С. 247.

⁵⁰ Конституции государств Африки и Океании. С. 1. Северная и Центральная Африка. М. 2018.

⁵¹ Согласно законодательным изменениям Верховный конституционный суд контролирует конституционность решений международных организаций и органов, а также постановлений иностранных судов, которые должны быть исполнены против государства. Премьер-министр может обратиться в Верховный конституционный суд с просьбой вынести постановление о том, что решения и постановления, упомянутые выше, или обязательства, вытекающие из их выполнения, не подлежат реализации. Каждое заинтересованное лицо должно подать в суд заявление и приложить к нему копию решения или постановления, которое предполагается не подлежащим реализации, а также его заверенный перевод. В заявлении должен быть указан конституционный текст или постановление, которое предположительно нарушено, и причина этого нарушения, и суд незамедлительно принимает решение по заявлению. URL: <https://akhbarelyom.com/news/newdetails/3465373/1>.

что текст предположительно противоречит конституционным положениям.

Верховный конституционный суд Египта может проверять конституционность международных договоров в соответствии с правилами оспаривания конституционности законов. При этом суд может проверить как соответствие их подписания, утверждения и опубликования процессуальным условиям, так и соответствие их содержания Конституции.

Однако согласно этим поправкам Верховный конституционный суд также имеет полномочия *«проверять конституционность решений международных организаций и органов, а также постановлений судов, подлежащих исполнению против государства»*. Речь идет о решениях, вынесенных против Египта организациями и органами, созданными на основании международных договоров, ратифицированных Египтом.

Верховный конституционный суд имеет право приостанавливать действие некоторых международных договоров. Когда Верховный конституционный суд постановляет игнорировать решение, вынесенное международной организацией или органом против египетского государства на основании международного договора, который был одобрен Египтом и стал частью его национального законодательства, это решение фактически приостанавливает действие какого-либо аспекта или части этого международного договора⁵².

В целом, говоря о конституционно-правовом статусе международного и интеграционного права в государствах БРИКС, можно сделать следующие выводы:

– положения о соотношении международного права и национальных законов, участия в межгосударственных интеграционных объединениях и международных организациях с передачей им части суверенных полномочий встречаются в современных конституциях государств, но не носят повсеместного охвата;

– также в современных конституциях государств довольно часто провозглашается его приверженность соблюдению общепризнанных принципов международного права, заложенных в Уставе ООН, Всеобщей декларации прав человека и других документах, что играет важную роль в обозначении перед международным сообществом демократического курса государства;

– имеются примеры конституций государств, в которых отсутствует особое указание на место общепризнанных принципов и норм международного права в

⁵² Egypt Court Seek to Override Jurisdiction by International Bodies. URL: <https://english.legal-agenda.com/egypt-court-seek-to-override-jurisdiction-by-international-bodies/>.

правовой системе страны, а также особые положения об участии в межгосударственных объединениях и международных организациях, что, разумеется, никоим образом не умаляет ценность подобных конституций ни в практическом, ни в теоретическом плане.

Таким образом, многообразие конституционных моделей позволяет говорить о плюралистическом характере закрепления положений о месте и роли международного права в правовых системах современных государств. Наличие специальных положений в конституциях об участии в межгосударственных интеграционных объединениях и международных организациях и выполнении (либо невыполнении) решений таких организаций) может свидетельствовать о важности во внешней политике государства данного вида международного сотрудничества.

Анализ конституций государств БРИКС показывает, что конституционные формулировки, касающиеся места международного права в правовых системах государств БРИКС, обладают поликонструктивностью, однако имеют одно важное общее начало — построены на бесспорном уважении общепризнанных принципов и норм международного права в его понимании, содержащимся в Уставе Организации Объединенных Наций. Несмотря на мультикультурализм, глобальный охват регионов представительства государств БРИКС, принадлежность к различным правовым семьям и другие уникальные особенности, государства едины в своем восприятии международного права как основы международного сотрудничества на базе ценностей Устава Организации Объединенных Наций и других основополагающих международных договоров.

Этот конституционный «стержень» позволяет государствам БРИКС в дальнейшем при сохранении конструктивного диалога перейти к новому этапу — от партнерства к реальному интеграционному сотрудничеству в различных областях, формированию интеграционного права БРИКС в последующем в процессе эволюции международного сотрудничества на основе общепризнанных принципов и норм международного права и заключении международных договоров, а также принятии в их развитие международно-правовых актов.

БРИКС в координатах международного экономического права*

Универсальные международные договоры нередко содержат формулировки, способствующие включению в мировую экономику государств с разными экономическими и социальными системами. Из-за этого возникает необходимость согласования позиций государств по различным вопросам, что представляется перманентной задачей. Для этого используются разные форматы, начиная от дипломатических переписок и заканчивая встречами глав государств. Одновременно с этим экономические интересы государств зачастую выступают в качестве важнейшего драйвера развития международных отношений и международного права. Однако согласование позиций не всегда приводит к созданию императивных норм международного права. Зачастую наблюдается усиление роли норм мягкого права или неформальных договоренностей в регулировании международных экономических отношений как дополнения к существующим формальным соглашениям, что становится причиной эволюции интерпретации и применения универсальных норм международного экономического права. Не исключение и БРИКС, чей потенциал в данной сфере на сегодняшний день остается недооцененным.

По данным Международного валютного фонда в 2024 году доля стран БРИКС в мировом ВВП по паритету покупательной способности достигнет рекордных 35,4%, в то время как доля стран «Группы Семи» сократится до 29,6%⁵³. Ожидается, что до конца нынешнего десятилетия данный разрыв будет только увеличиваться. Этот факт может позитивно сказаться для дальнейшего расширения БРИКС, так как развивающиеся государства так же будут искать пути преодоления глобальных политико-экономических вызовов посредством координации экономических потенциалов. Эти тенденции усиливают преодоление доминирования отдельных стран в секретариатах

* Берг Л.А. — научный сотрудник лаборатории правовых исследований новых форм межгосударственного сотрудничества и интеграции ИЗиСП.

Мехтиев М.Г. — и.о. заведующего лабораторией правовых исследований новых форм межгосударственного сотрудничества и интеграции ИЗиСП, ведущий научный сотрудник, кандидат юридических наук.

⁵³ См. статистику, например: Statista. BRICS and G7 countries' share of the world's total gross domestic product (GDP) in purchasing power parity (PPP) from 2000 to 2024. URL: <https://www.statista.com/statistics/1412425/gdp-ppp-share-world-gdp-g7-brics/#:~:text=The%20BRICS%20countries%20overtook%20the,held%20by%20the%20G7%20countries.>

Всемирной торговой организации (далее — ВТО), ВБ и МВФ⁵⁴. Так, помимо пяти государств — участников БРИКС: Бразилии, России, Индии, Китая, Южной Африки, — в январе 2024 года к участию в формате присоединились Египет, Эфиопия, Иран, Объединенные Арабские Эмираты и Саудовская Аравия. На долю расширенного БРИКС приходится две пятых мировой торговли и почти половина населения планеты⁵⁵. Кроме этого, страны БРИКС доминируют в объединениях ОПЕК+, Форуме стран-экспортеров газа, проектах «Один пояс. Один путь», Коридор Север — Юг и других. Отметим также недавнюю инициативу России о создании зерновой биржи БРИКС, которая была поддержана всеми странами — участницами объединения. Реализация этих проектов позволит формировать цены на наиболее востребованные товары независимо от бирж в развитых странах, а расчеты проводить в национальных валютах, что отразится на укреплении продовольственной, энергетической и финансовой безопасности развивающихся стран и защитит от односторонних ограничительных мер.

На сегодняшний день в энергетической сфере центральную роль играет упомянутый ОПЕК+. В это объединение входит сразу 4 государства БРИКС (Иран, Саудовская Аравия, ОАЭ и Россия). ОПЕК+ основан на Декларации о сотрудничестве между государствами — членами ОПЕК и государствами-экспортерами нефти, не входящими в эту организацию. Заметим, что статья 4 Статута ОПЕК (на базе которого создан ОПЕК+) запрещает государствам этой организации замещать доли тех государств-членов, которые по каким-либо причинам (включая санкции) прекратили экспорт нефти. Одновременно с этим пункт b статьи 2 говорит о том, что политика стран этой организации в сфере экспорта нефти должна быть нацелена на стабилизацию цен. Благодаря такому подходу и в ковидный период, и в период введения санкций против России в 2022 году государствам удалось стабилизировать важнейшую отрасль мировой экономики без ущерба самим участникам ОПЕК+. В совокупности с так называемым «газовым ОПЕК» — Форумом стран-экспортеров газа, устав которого был принят в России в 2008 году и куда входит, помимо прочих, Египет, Иран, Россия и ОАЭ⁵⁶ — БРИКС в расширенном составе становится площадкой, способной стабилизировать

⁵⁴ Шулятьев И.А., Берг Л.А. Регионализация международного торгового права / «Международный правовой курьер», 2023. URL: <https://inter-legal.ru/regionalizatsiya-mezhdunarodnogo-torgovogo-prava?ysclid=lzr28tzolx754847621>.

⁵⁵ Daniel Azevedo, Saurabh Bakliwal etc. An Evolving BRICS and the Shifting World Order. URL: <https://www.bcg.com/publications/2024/brics-enlargement-and-shifting-world-order>.

⁵⁶ Официальный сайт Форума стран-экспортеров газа. URL: <https://www.gecf.org/countries/country-list.aspx>.

мировые энергетические рынки. Отметим, что подобного рода соглашения могут привести к фрагментации международного экономического права, а потому участие большего количества государств в БРИКС представляется преодолением подобного рода тенденций.

Как упоминалось ранее, страны БРИКС понимают, что волатильность цен на сырьевые товары представляет угрозу для развивающихся стран, поскольку стабильность этих цен имеет фундаментальное значение не только для национальных экономик этих государств, но и для эффективного функционирования мировой экономики⁵⁷. Более того, принимая во внимание международный экономический кризис и окончание сырьевого суперцикла, БРИКС выступает за укрепление международного сотрудничества между государствами, предусматривающего диалог между странами-производителями и странами-потребителями, а также поддержку развивающихся стран⁵⁸. В результате этих инициатив страны БРИКС с юридической точки зрения выдвигают необходимость совершенствования правового регулирования цен на сырьевые товары, например, для обеспечения стабильности региональных и национальных рынков, и сделать их менее подверженными рецессиям⁵⁹.

Еще одним элементом, обеспечивающим стабильность рынков сырьевых товаров, является устойчивая многосторонняя торговая система, координируемая и возглавляемая Всемирной торговой организацией (далее — ВТО), которая основана на таких принципах, как инклюзивность, прозрачность, недискриминация, справедливое участие в мировой экономике, общая, но дифференцированная ответственность⁶⁰. Следовательно, объединение не поддерживает те международные торговые соглашения, которые не соответствуют этим принципам и не направлены на достижение всеобъемлющего и конструктивного экономического сотрудничества. Тем не менее, региональные торговые соглашения, направленные на то, чтобы сделать рынки более открытыми для торговли и прозрачными в соответствии с правилами ВТО, рассматриваются БРИКС как важный актив многосторонней торговой системы, где система урегулирования споров ВТО является краеугольным камнем безопасности и предсказуемости экономических отношений. Таким образом, БРИКС выступает за

⁵⁷ Декларация XIII саммита БРИКС — Нью-Дели, 2021. URL: [Декларация Нью-Дели.pdf \(nkibrics.ru\)](#).

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Декларация XIV саммита БРИКС — Пекин, 2022. URL: [XIV саммит БРИКС - Пекинская декларация \(г. Пекин Китай 23 июня 2022 года\).pdf \(nkibrics.ru\)](#).

создание более инклюзивной международной торговой системы, основанной на таких универсальных международных организациях, как ВТО. Кроме того, группа выступает за усиление государственного регулирования, направленного на обеспечение определенности, прозрачности и стабильности цен на сырьевые товары и международной торговли⁶¹. Например, Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство между Соединенными Штатами Америки и Европейским Союзом, с точки зрения БРИКС, квалифицируется как непрозрачный и не включающий все заинтересованные стороны процесс, который потенциально может подрвать центральную роль ВТО как международной организации, ответственной за управление мировой торговлей.

Здесь следует отметить, что государства БРИКС также входят в региональные организации, что соответствует стремлениям этих государств в построении многополярного мира. Региональные договоры с участием стран БРИКС учредили Евразийский экономический союз, Ассоциацию регионального сотрудничества Южной Азии (далее — СААРК)⁶², Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство⁶³, Лигу арабских государств (далее — ЛАГ)⁶⁴ и многие другие. БРИКС мог бы стать площадкой для координации таких организаций, тем более, что у таких стран БРИКС, как Египет, Эфиопия и Южная Африка есть опыт — они являются сторонами Учредительного акта Африканского союза и Договора о создании Африканского экономического сообщества. Эти договоры охватывают не просто все страны Африки, но еще и координируют внешнюю социальную и экономическую политику субрегиональных организаций Африки. В качестве субрегиональных организаций можно привести Общий рынок Восточной и Южной Африки⁶⁵, Сообщество развития

⁶¹ Там же.

⁶² Государства-члены: Афганистан, Бангладеш, Бутан, Индия, Мальдивская Республика, Непал, Пакистан и Шри-Ланка.

⁶³ Государствами — членами Партнерства являются Китай, Япония, Южная Корея, Австралия, Новая Зеландия и страны Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

⁶⁴ Государства-члены: Египет, Ирак, Иордания, Сирия, Ливан, Йемен, Саудовская Аравия, Ливия (вступила в 1953 г.), Судан (1956), Тунис (1958), Марокко (1958), Кувейт (1961), Алжир (1962), Катар (1971), Бахрейн (1971), Оман (1971), ОАЭ (1971), Мавритания (1973), Сомали (1974), Джибути (1977), Коморские острова (1993). Кроме того, с 1976 года членом Лиги является Организация освобождения Палестины.

⁶⁵ Членами КОМЕСА является 21 государство: Бурунди, Демократическая Республика Конго, Джибути, Замбия, Зимбабве, Египет, Кения, Коморские Острова, Ливия, Маврикий, Мадагаскар, Малави, Руанда, Свазиленд, Сейшельские Острова, Сомали, Судан, Тунис, Уганда, Эритрея, Эфиопия.

Юга Африки (далее — САДК)⁶⁶ и другие. Такая институционализация взаимодействия региональных организаций представляется интересной и для БРИКС, обладающего потенциалом разработать принципы новых форм международного сотрудничества.

Отметим, что ГАТТ также регулирует вопросы, связанные с региональными торговыми союзами в статье XXIV, однако проблемы фрагментации остаются актуальными. Для раскрытия этой проблемы обратимся к недавней истории.

Как уже было указано, Мировой экономической кризис 2007–2009 годов вывел на передний план «Группу Двадцати». В заявлении глав государств данного форума в рамках Лондонского саммита 2009 года участники выразили свою приверженность принципам, закрепленным в статье I Статей Соглашения МВФ (касающейся конкурентной девальвации) и пути к либерализации международной экономики, а также независимости МВФ как международного органа по надзору за финансово-экономической политикой государств⁶⁷. Однако Статьи Соглашения МВФ и ГАТТ скорее предполагают недискриминационные правила, чем запрет устанавливать определенные барьеры государством-членом против всех других стран, а не отдельных стран, если такие меры основаны на принципах, содержащихся в ГАТТ. Таким образом, либерализация регулирования международных валютно-финансовых и торговых отношений — это свободная воля суверенных государств, определенная, например, в совместных заявлениях (как упоминалось выше в заявлении «Группы Двадцати»). Либерализацию международного правового регулирования экономических отношений также можно увидеть в международных договорах (например, региональных), в то время как учредительные акты ВТО и МВФ в основном закрепляют общие универсальные нормы, регулирующие экономических отношений.

При этом существует разделение регулирования финансовых отношений на фискальную и монетарную в законодательствах стран. Данный феномен наблюдается и в правовом регулировании международных финансовых (касающихся пошлин, налогов и прочих финансовых барьеров в торговле) и валютных отношениях. Они изначально оказались изолированными друг от друга — ГАТТ и учредительный акт МВФ принимались как два отдельных соглашения.

⁶⁶ Государства-члены: Ангола, Ботсвана, Замбия, Зимбабве, Демократическая Республика Конго, Лесото, Маврикий, Малави, Мозамбик, Намибия, Свазиленд, Республика Сейшелы, Танзания, Южно-Африканская Республика.

⁶⁷ Para. 12 of the London Summit — Leaders' Statement 2 April 2009. URL: https://www.imf.org/external/np/sec/pr/2009/pdf/g20_040209.pdf.

Тем не менее, ГАТТ отсылает к Статьям Соглашения МВФ в статье XV. Однако в ней указывается, что в случае выхода договаривающегося государства ГАТТ из Статей Соглашения МВФ, с таким государством (который при этом остается стороной ГАТТ) необходимо заключить дополнительное соглашение о валютных обязательствах, в то время как дополнительное соглашение не должно накладывать более строгие (валютные) обязательства, чем учредительный акт Фонда. С одной стороны, эта мера позволяет сохранить равные, недискриминационные и конкурентные условия для государств. Это означает, что сам по себе выход из Статей Соглашения МВФ не должно приводить к негативным последствиям для участия в ГАТТ. Однако эта формулировка также говорит и о том, что монополия на регулирование валютных отношений на универсальном уровне, все же, сохраняются за Статьями Соглашения МВФ.

Тем не менее, в связи с бурно развивающейся регионализацией, международное экономическое право теряет однородность в еще одной плоскости. Если ГАТТ, как уже было упомянуто, в статье XXIV регулирует соотношение с зонами свободной торговли и региональными торговыми объединениями, то Статьи Соглашения МВФ неоднозначны в данном контексте. Более либеральные механизмы регулирования торговых отношений в рамках зон свободной торговли или региональных торговых соглашениях (что является условием создания таких объединений в рамках упомянутой статьи XXIV ГАТТ) противоречат принципу недискриминации. Однако с уставом МВФ дело обстоит еще хуже. По мнению специалистов самого МВФ Фонд «является организацией для государств»⁶⁸, несмотря на то, что фиксированный валютный режим (установление паритета к валюте другого государства) можно рассматривать как элемент сближения валютной политики (например: унификация политики в праве Евразийского экономического союза представляется менее однородной конструкцией, нежели паритет валют) или создания валютных союзов. Однако неоднородность заключается в том, что региональные соглашения об учреждении организаций экономического сотрудничества и интеграции зачастую отсылают к универсальным соглашениям МВФ и ВТО, но взаимодействие последних (МВФ и ВТО) с региональными неодинакова. К примеру, вследствие кризиса суверенного долга Еврозоны в 2010 году возникли сложности с предоставлением кредита Греции, так как МВФ не способен был осуществлять надзор за денежно-кредитной политикой Греции по той причине, что

⁶⁸ Tan L. H. IMF Engagement with the Euro Area Versus Other Currency Unions / IMF Engagement with the Euro Area Versus Other Currency Unions. P. 63. URL: <https://ieo.imf.org/-/media/IEO/Files/Publications/Books/background-papers-for-eac-crisis/eac-background-papers-chapter-3.ashx>.

Греция является членом Еврозоны, а потому ее центральный банк не ведет денежно-кредитную политику. Это полномочие передано Европейскому центральному банку, который уполномочен вести монетарную политику всей Еврозоны, а не отдельной для определенного государства этой зоны⁶⁹.

При этом фрагментация на универсальном уровне отражается и в самих региональных системах соглашений. Договор о всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве фактически начинается с того, что отсылает к положениям статьи XXIV ГАТТ о региональных торговых союзах⁷⁰. При этом региональный аналог МВФ как резервный фонд учрежден меморандумом о взаимопонимании отдельными соглашениями⁷¹, получивший название Многосторонняя инициатива Чианг Май⁷². В меморандуме отсылка к МВФ идет в части предоставления финансовых средств для преодоления дефицита платежного баланса⁷³, что свидетельствует о том, что меморандум не призван заменить учредительный акт МВФ или дополнить его положениями о регулировании валютных режимов, а принят в качестве дополнения к МВФ как резервному фонду. По этой причине взаимодействие МВФ с региональными финансовыми механизмами может регулироваться только решениями МВФ, а не учредительным актом данного Фонда.

Здесь отметим, что в отличие от региональных организаций регулирование мировой экономики зачастую осуществляется неформальными договоренностями в таких объединениях, как БРИКС, «Группа Двадцати» или «Группа Семи». Так, в 2009 году для преодоления кризиса 2007–2009 годов на саммите «Группы Двадцати» (где

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Article 1.1 of the Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement. URL: <https://www.mfat.govt.nz/assets/Trade-agreements/RCEP/RCEP-Agreement-Legal-Text.pdf>.

⁷¹ Заметим, однако, что Филиппины ратифицировали эти меморандумы как международные договоры посредством принятия специального законодательного акта. См.: Hoffner B., ASEAN Swap Arrangement, 1977–2021, *Journal of Financial Crises*: Vol. 5: Iss. 1 (2023), p. 117.

⁷² Данный меморандум основан на меморандуме между странами АСЕАН. См.: 2017 The Sixth Supplemental Memorandum of Understanding on the ASEAN Swap Arrangement. URL: <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2019/04/2017-ASA-6th-Supp.pdf>. Многосторонняя Инициатива Чианг Май основана на меморандумах о взаимопонимании между государствами — членами АСЕАН с Японией, Южной Кореей и Китаем. См.: the Amended Chiang Mai Initiative Multilateralisation (CMIM), 31 March 2021, available at URL: https://www.boj.or.jp/en/intl_finance/cooperate/rel210331a.pdf.

⁷³ The 1st sentence of the para. 1 of the Amended Chiang Mai Initiative Multilateralisation (CMIM), 31 March 2021, available at URL: https://www.boj.or.jp/en/intl_finance/cooperate/rel210331a.pdf.

участвуют и страны «Группы Семи», и страны БРИКС) в Лондоне был принят Устав Совета по финансовой стабильности⁷⁴, учрежденный для координации своей деятельности (в сфере надзора за валютными режимами) с действиями других международных финансовых организаций в целях содействия стабильности глобальной валютно-финансовой системы⁷⁵.

Однако в том же 2009 году страны БРИК (без Южно-Африканской Республики до 2011 года) в Совместном заявлении первого саммита с одной стороны признали центральную роль «Группы Двадцати» в преодолении последствий мирового экономического кризиса 2008 года⁷⁶, но, с другой стороны, призвали к *«реформе международных финансовых институтов, чтобы отразить изменения в мировой экономике»*⁷⁷. Такое различие между заявлениями БРИК и «Группы Двадцати» обозначила еще одно концептуальное противоречие дальнейшего развития международного экономического права, где противоречия будут касаться взаимодействия универсальных и региональных организаций в сфере экономического сотрудничества, для чего также требуется реформирование квоты голосов в МВФ, т.к., как уже было упомянуто, такое взаимодействие регулируется решениями МВФ.

В 2010 году Фонд опубликовал Отчет о 15-м общем пересмотре квот МВФ⁷⁸, который не был реализован до сих пор⁷⁹, хотя пересмотр квот фигурировал в совместном заявлении «Группы Двадцати» и в 2014 году⁸⁰.

Подобно Бреттон-Вудской конференции 1947 года, где были приняты учредительные акты МВФ и Всемирного банка, в 2014 году на бразильском саммите

⁷⁴ Para. 15 of the London Summit — Leaders' Statement of 2 April 2009, available at URL: https://www.imf.org/external/np/sec/pr/2009/pdf/g20_040209.pdf.

⁷⁵ Article 1 of the Financial Stability Board Charter, available at URL: https://www.fsb.org/wp-content/uploads/r_090925d.pdf?page_moved=1.

⁷⁶ Para. 1 of the Joint Statement of the BRIC Countries Leaders. June 16, 2009 Yekaterinburg, Russia, available at URL: https://brics-ysf.org/sites/default/files/2nd_Summit.pdf.

⁷⁷ *Id.* 1st sentence of the para. 3.

⁷⁸ 2010 Reforms and Fifteenth General Review of Quotas — Report of the Executive Board to the Board of Governors, available at URL: <https://www.imf.org/external/np/pp/eng/2015/012815.pdf>.

⁷⁹ Para. 15 of the G20 Leaders' Communiqué Brisbane Summit, 15–16 November 2014, available at URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/23866/g20-leaders-communiqu%C3%A9-brisbane-summit-15-16-november-2014.pdf>.

⁸⁰ Para. 15 of the G20 Leaders' Communiqué in Brisbane Summit (15–16 November 2014), available at URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/23866/g20-leaders-communiqu%C3%A9-brisbane-summit-15-16-november-2014.pdf>.

БРИКС был подписан Договор о Пуле БРИКС и Соглашение о создании Нового банка развития (далее — НБР)⁸¹. В Декларации этого Саммита также говорится о «... нереализованной реформе Международного валютного фонда (МВФ) в 2010 году, что негативно влияет на легитимность, авторитетность и эффективность МВФ»⁸². Этот раскол между странами БРИКС и «Группы Семи» стал еще одной формой фрагментации.

Проект реформы МВФ предполагал, что квота государств — членов МВФ, которая определяет помимо голосов, доступ к финансированию и долю валют государств-членов в резервах МВФ, должна отражать рост стран БРИКС и других развивающихся стран. Однако важнее здесь то, что раз Статьи Соглашения МВФ являются универсальными и обладают монополией на регулирование валютных режимов на таком уровне, то для принятия решений по паритету или иному механизму регулирования валютных решений потребует 85% голосов, в то время как у США ныне 17%⁸³. *De facto* это означает право вето. Более того, при распределении квот учитывается уровень развития рыночной экономики, уровень открытости национальных рынков⁸⁴, что не вполне согласуется с самими же Статьями Соглашения МВФ, согласно которому его «*принципы отражают уважение Фонда к мерам, применяемым государствами-членами в социально-политической сфере внутри страны, и при использовании таких принципов Фонд учитывает обстоятельства, складывающиеся внутри государств-членов*»⁸⁵.

Такое распределение квот препятствует реформированию самой международной валютной системы ввиду того, что у мирового сообщества возникла необходимость в координации международных резервов как государств, так и региональных и иных многосторонних организаций, включая и Пул БРИКС и сами авуары МВФ. Распределение квот МВФ идет в противоречие с реальностью ввиду того, что доля стран БРИКС в современной глобальной экономике превышают долю стран

⁸¹ Para. 13 of the 6th BRICS Summit: Fortaleza Declaration (July 15, 2014), available at URL: <http://www.brics.utoronto.ca/docs/140715-leaders.html>.

⁸² *Id.* Para. 11.

⁸³ IMF Members' Quotas and Voting Power, and IMF Board of Governors. URL: <https://www.imf.org/en/About/executive-board/members-quotas>.

⁸⁴ The International Monetary Fund: 15th General Review of Quotas, European Parliament Briefing, available at URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/631059/IPOL_BRI\(2019\)631059_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/631059/IPOL_BRI(2019)631059_EN.pdf).

⁸⁵ Раздел 3 (b) статьи IV Статей Соглашения Международного валютного фонда.

«Группы Семи»⁸⁶, в то время как у последнего («Группы Семи») более 40% голосов в МВФ⁸⁷. По этой причине БРИКС готовы признать за МВФ роль регулятора взаимоотношений региональных финансовых организаций, но только в том случае, если принятие решений МВФ не будет монополизирован отдельными странами. Отметим, что в старом составе БРИКС в совокупности обладают 14,15% голосов в МВФ⁸⁸, а новые члены (Иран, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Египет и Эфиопия) — 3,76%⁸⁹. В совокупности у БРИКС+ 17,91% голосов. Таким образом, обладание более 15% квоты голосов в МВФ означает, что монополия США на вето для принятия решений Фонда может быть преодолена, если страны БРИКС в новом составе будут придерживаться аналогичных позиций.

Коренная трансформация международного экономического права сегодня вызвана именно расширением БРИКС. Международные резервы государств, соглашения о валютном обмене, региональные резервные фонды (такие как Евразийский фонд стабилизации и развития, Многосторонняя Инициатива Чианг Май и СААРСФИНАНС), иные многосторонние резервные фонды (Пул БРИКС) и сам универсальный фонд (МВФ) составляют Глобальную сеть финансовой безопасности (далее — ГСФБ или Сеть). Эта Сеть также должна координироваться и не обязательно международным соглашением, а, например, решениями МВФ. В совместных декларациях БРИКС упоминается эта проблема, когда говорится, что БРИКС *«поддерживает надежную Глобальную сеть финансовой безопасности, в центре которой находится Международный валютный фонд (МВФ), основанный на квотах и обладающий адекватными ресурсами»*⁹⁰. При этом страны БРИКС добавляют, что сделать это можно только в том случае, если система голосования МВФ будет

⁸⁶ См. статистику, например: Statista. BRICS and G7 countries' share of the world's total gross domestic product (GDP) in purchasing power parity (PPP) from 2000 to 2024, available at URL: <https://www.statista.com/statistics/1412425/gdp-ppp-share-world-gdp-g7-brics/#:~:text=By%202023%2C%20the%20difference%20had,held%20by%20the%20G7%20countries.>

⁸⁷ The International Monetary Fund: 15th General Review of Quotas, European Parliament Briefing, available at URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/631059/IPOL_BRI\(2019\)631059_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/631059/IPOL_BRI(2019)631059_EN.pdf).

⁸⁸ IMF Members' Quotas and Voting Power, and IMF Board of Governors. URL: <https://www.imf.org/en/About/executive-board/members-quotas>.

⁸⁹ *Ibid.*

⁹⁰ Para. 10 of the Johannesburg II Declaration. BRICS and Africa: Partnership for Mutually Accelerated Growth, Sustainable Development and Inclusive Multilateralism, Sandton, Gauteng, South Africa (23 August 2023), available at URL: https://mid.ru/en/foreign_policy/news/1901504/.

реформирована, чтобы не было предвзятости в политике Фонда⁹¹. Вероятно, эти позиции стран БРИКС являются ответом на вопрос о том, как БРИКС собирается строить справедливый многополярный миропорядок.

В заключении отметим, что характерной чертой подхода БРИКС к международному праву и международному экономическому праву как его подотрасли является опора на универсальные международные соглашения, как Устав Организации Объединенных Наций, ГАТТ, учредительные акты МВФ и ВБ. По мнению БРИКС эти организации, которые позволяют государствам проводить многосторонние переговоры по глобальным проблемам с участием субъектов с различным уровнем экономического развития, должны занимать центральное место в структуре глобального управления⁹².

В отношении международного экономического права страны БРИКС выступают за расширение международно-правового регулирования, основанного на системе основополагающих принципов, закрепленных в ГАТТ и учредительных актах МВФ и ВБ, направленные на достижение большей определенности, предсказуемости и стабильности мировой экономики. Как следствие, перспектива БРИКС подталкивает к более гибкому подходу к международному праву, ссылаясь на его основополагающие принципы, которые обеспечивают справедливость и равенство всех стран. Это означает, что, с точки зрения БРИКС, нормативность определяется отношением между международной политикой и международным правом в том смысле, что первое ограничивает автономию второго, в то время как второе придает смысл первому. Следовательно, в процессе формирования консенсуса, который является основой международной политики, договаривающиеся стороны в конечном итоге формируют правовую норму, которая придает юридический смысл и легитимность их действиям.

Помимо этого, если бурное развитие универсальных соглашений пришлось на годы Холодной войны, когда мир был разделен на два лагеря, то в наши дни, когда в мире формируется несколько полюсов, мы наблюдаем расцвет регионального права. Именно региональные организации становятся теми субъектами, которые определяют структуру мировой экономики, а потому требуется развитие принципов регулирования региональных организаций в рамках универсальных. Однако для этого странам БРИКС недостаточно преодолеть монополию стран в секретариатах универсальных организаций. Требуется выработка новых подходов к регулированию мировой

⁹¹ Там же.

⁹² Декларация XIII саммита БРИКС — Нью-Дели, 2021. URL: [Декларация Нью-Дели.pdf \(nkibrics.ru\)](https://nkibrics.ru).

экономики, основанной на регулировании отношений между региональными организациями как новые формы международного правового регулирования межрегионального сотрудничества.

Наконец, остается открытым вопрос о формализации самого БРИКС. Его влияние на мировые рынки товаров стало превосходить западные страны, чему мир был свидетелем в 2022 году. Участие государств БРИКС в ОПЕК+ и Форуме стран-экспортеров газа, в крупнейших инвестиционных проектах («Один пояс. Один путь», Коридор Севр — Юг и проч.) позволяет регулировать мировую экономику без участия универсальных организаций. Однако БРИКС не нацелен ни заменить их собою, ни способствовать фрагментации. Усиление роли стран БРИКС в секретариатах международных организаций и их голоса при принятии решений является одной из основных целей для инклюзивного управления мировой экономикой в интересах всех стран. По этой причине, на наш взгляд, страны БРИКС могли бы представить концепцию такого регулирования и определить их основные принципы в совместных декларациях.

Международное культурное и гуманитарное сотрудничество в рамках БРИКС *

Международное культурное и гуманитарное сотрудничество не пользуется особым вниманием исследователей правовых аспектов международной интеграции. Это объясняется тем, что эти аспекты общественных отношений нечасто возникают в повседневной практике человеческой жизни, и конфликт интересов в научной, культурной и гуманитарной сфере априори возникает реже, чем конфликт участников экономического оборота. В этой связи необходимость правовой регламентации международных отношений в сфере культуры, науки и искусства менее очевидна для широкого круга лиц.

Еще одним фактором, демотивирующим исследователей, являются слабые⁹³ культурные и гуманитарные связи между государствами — участниками БРИКС. Но как верно отмечают исследователи, деградация межгосударственных (вертикальных) отношений не означает автоматической отмены «горизонтальных» связей между

* Налетов К.И. — ведущий научный сотрудник лаборатории правовых исследований новых форм межгосударственного сотрудничества и интеграции ИЗиСП, кандидат юридических наук.

⁹³ Впрочем, надо отметить, что с расширением БРИКС (особенно с вступлением в данную организацию Турции и Азербайджана) данный фактор уходит в прошлое.

субъектами частного права⁹⁴. Тем более, что согласно Совместному заявлению Министров иностранных дел/международных отношений стран БРИКС от 10 июля 2024 года культурные и гуманитарные связи остаются одним из трех магистральных направлений развития БРИКС.

Нельзя не отметить, что достижения гуманитарных наук являются элементом правовой науки, роль и значимость которой является предметом, пожалуй, одной из самых главных дискуссий в российской юриспруденции⁹⁵. Современная судебная практика, как, впрочем, и нормы действующего законодательства, не придерживаются более позитивистского подхода — все чаще в ходе судебного разбирательства споров перед судом встает вопрос о сути и содержании правовых явлений (правовых норм, сделок, интересов тех или иных лиц), об основополагающем характере тех или иных правовых норм, о целях правового регулирования. Не говоря уже о том, что суды получили возможность оценивать гражданско-правовые сделки с точки зрения соответствия их результата критериям морали и нравственности (ч. 4 ст. 167 ГК РФ)⁹⁶.

Вопрос состоит в соотношении и порядке взаимодействия вопросов культуры, религии, морали, соотношения ценностей и иных так называемых «оценочных категорий» с нормами права.

В БРИКС входят государства, правовые системы которых принципиально отличаются. Выражаясь языком биологии, происходит своего рода «гибридизация» правовых систем. Правовая культура отдельных стран подвергается, по словам Ю.М. Лотмана, «бомбардировке» со стороны попадающих в нее, подобно «метеоритному дождю», случайных фрагментов других правовых культур, юридических текстов,

⁹⁴ Налетов, К. И. Задачи современного международного права в условиях дезинтеграции мирового сообщества // Тенденции развития системы международных отношений и их влияние на управление национальной обороной Российской Федерации. — Москва: Издательский дом «УМЦ», 2023. — С. 291–298.

⁹⁵ Концептуальные основы развития науки и признание иностранных научных степеней и званий как форма межгосударственной интеграции: сравнительно-правовое исследование / Р. А. Курбанов, Р. А. Гурбанов, А. М. Беялова [и др.]; под редакцией Р. А. Курбанова; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Институт правовых исследований и региональной интеграции. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2022. — 296 с.

⁹⁶ Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации: монография / Т.Я. Хабриева, А.И. Ковлер, Р.А. Курбанов; отв. ред. Т.Я. Хабриева; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. — 384 с.

процедур и правовых конструкций. Такая «бомбардировка» позволяет оценить собственный опыт правовой жизни, обрести «зеркало» для его рассмотрения, возможность развивать, совершенствовать отдельные элементы своей правовой системы, наполняя их новыми смыслами. Более того, основные правовые институты абсолютно всех развитых в правовом отношении государств вторичны по отношению к римскому праву. Не являются исключением и государства — члены БРИКС. Пока в рамках БРИКС не заключаются международные договоры. Более того, далеко не все государства — участники БРИКС (Бразилия, Индия, ОАЭ, Иран, Эфиопия, Турция) ратифицировали Конвенцию ООН «О праве международных договоров» 1969 года. То есть международное культурное и гуманитарное сотрудничество государств — участников БРИКС осуществляется в основном на основе норм внутреннего права государств-участников, коллизионных и материально-правовых норм, на которые указывают коллизионные нормы.

В статьях 12 и 14 Совместной декларации 10-го Парламентского форума БРИКС отражено намерение государств-участников обмениваться мнениями, законодательным опытом, включая передовую практику по вопросам содействия сотрудничеству в области науки, технологий и инноваций. Также государства-участники предложили использовать средства парламентской дипломатии для расширения контактов именно между людьми (то есть упомянутых выше горизонтальных связей), что должно укрепить взаимопонимание между странами и народами БРИКС. Достичь этого предполагается не путем правового регулирования этих отношений, но «содействуя культурным, академическим, образовательным, спортивным и туристическим обменам между странами БРИКС». То есть первичен именно фактор социально-культурных и гуманитарных связей.

В этой связи универсальный характер приобретают нормы международных договоров, ратифицированных государствами — участниками БРИКС вне рамок БРИКС, которые связывают обязательствами если не все, то большинство государств — членов БРИКС.

Соглашение о ввозе материалов образовательного, научного и культурного характера от 17 июня 1950 года отменило взимание таможенных пошлин и сборов с ряда произведений культуры, искусства и литературы и обязало государства ликвидировать по возможности ограничения, препятствующие их свободному распространению⁹⁷

⁹⁷ Бюллетень международных договоров, № 3, 1999.

Протокол к данному Соглашению расширил действие вышеприведенного правила *in rem*, включив в объем понятия «материалы образовательного, научного и культурного характера» журнальные публикации, периодические издания, рекламные плакаты по туризму и образованию за границей государства ввоза, карты, планы и чертежи.

Конвенция ЮНЕСКО о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности от 14 ноября 1970 года дала определение культурных ценностей, создала юридический механизм признания принадлежности их определенному государству (ст. 4), обязала государства создать национальные службы охраны культурного наследия, уполномоченные на ведение реестра культурных ценностей, вывоз которых обедняет национальное культурное наследие, а также — контроль за археологическими раскопками. В соответствии с данной Конвенцией государства-участники учредили институт выдачи свидетельств о разрешении на вывоз культурных ценностей за границу.

Наконец, государства-участники взяли на себя обязанность предотвращать приобретение музеями (иными аналогичными учреждениями) на территориях государств-участников культурных ценностей, происходящих с территории государства-участника и незаконно вывезенных после вступления Конвенции в юридическую силу.

Ввоз культурных ценностей, которые были похищены из музея, религиозного или светского исторического памятника или подобного учреждения государства-участника, стороны договорились запрещать только после вступления Конвенции в силу в соответствующих государствах.

Государства-участники также обязаны возложить на антикваров обязанность вести реестр полученных ими культурных ценностей с обязательными реквизитами⁹⁸ под угрозой применения к ним уголовно-правовой ответственности.

Реституция и возврат культурных ценностей на территорию их происхождения осуществляется на основе положений Конвенции УНИДРУА о похищенных или незаконно вывезенных культурных ценностях от 24 июня 1995 года. Следует отметить, что перечень культурных ценностей, который указан в приложении к данной Конвенции, не полностью совпадает с аналогичным перечнем к Конвенции ЮНЕСКО от 14 ноября 1970 года. Кроме того, она существенно уточняет ряд ее положений. Так,

⁹⁸ Среди которых: происхождение каждой культурной ценности, фамилию и адрес поставщика, описание и стоимость каждой проданной вещи, а также информировать покупателей культурных ценностей о возможном распространении запрещения о вывозе на эти ценности.

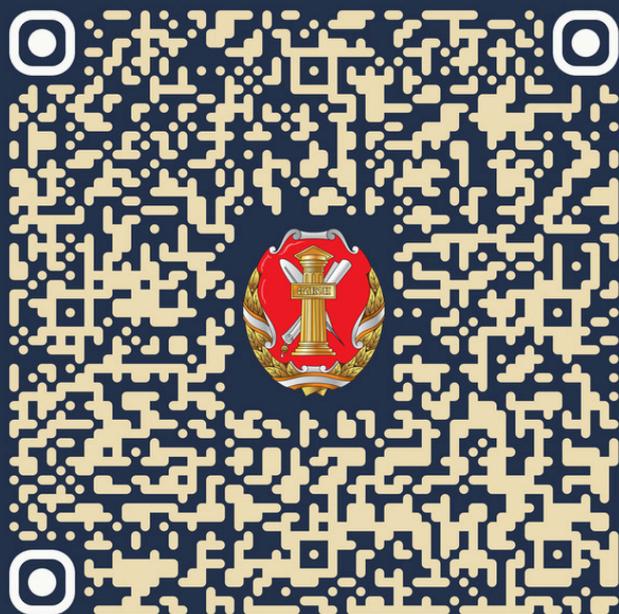
квалификация культурной ценности как похищенной согласно нормам Конвенции ЮНЕСКО от 14 ноября 1970 года осуществляется на основе коллизионной нормы согласно праву государства, на территории которого производились раскопки. Что интересно, данная Конвенция квалифицирует как похищенную и законно добытую на раскопках, но незаконно удерживаемую культурную ценность. Конвенцией установлен трехлетний срок исковой давности, который отсчитывается с момента получения требующей стороной сведений о ее местонахождении и о личности ее владельца. При это предельный срок составляет 50 лет с момента фактического похищения.

Данной Конвенцией установлен принцип возмездного характера реституции похищенной культурной ценности при условии отсутствия осведомленности ее фактического обладателя о ее похищении и выполнении стандарта должной осмотрительности при ее приобретении.

Парижская Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия от 16 ноября 1972 года вводит унифицированные юридические категории «культурное наследие» и «природное наследие», разграничение и определение которых находится в компетенции государств-участников. Данной Конвенцией учреждается Межправительственный комитет по охране культурного и природного наследия при ЮНЕСКО, формирующий перечень объектов — ценностей культурного и природного наследия, для поддержания и восстановления которых предоставляется международная помощь (в том числе в денежной форме), и Фонд охраны всемирного культурного и природного наследия.

Необходимо отметить, что к объектам культурной, научной и гуманитарной сферы относятся самые разнообразные объекты гражданских прав, а также природные объекты. В силу этого их правовой режим определяется также нормами гражданского права (нормами об имущественных правах, нормами об объектах интеллектуальной собственности), а также нормами экологического (природоохранного) права. Имущественные права являются предметом международно-правового регулирования лишь в самой незначительной степени (когда они связаны с осуществлением иностранных инвестиций), и их объем и содержание определяются коллизионными нормами национальных правовых порядков. Напротив, интеллектуальные права на культурные ценности и охрана памятников природы регулируются рядом международных договоров универсального характера.

БЮЛЛЕТЕНИ ЦЕНТРА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Здание на ст. м. «Чистые Пруды»
107078 Москва, Б. Харитоньевский пер., д. 22-24, стр. 1А, 1БВ

Здание на ст. м. «Академическая»
117218 Москва, ул. Б.Черемушкинская, д.34

ТЕЛЕФОН:
+7 (499) 724-11-59

ВЕБ-САЙТ:
<https://izak.ru>

ЭЛ. ПОЧТА:
office@izak.ru